

Борис Носов. События 1686–1700 гг.: серия конфликтов или война?

Boris Nosov (Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow). The events of 1686–1700: a series of conflicts or a war?

DOI: 10.31857/S2949124X24020033, EDN: HKFWNO

Аннотация обсуждаемой монографии открывается утверждением, что это «первое в историографии комплексное исследование малоизвестной и самой долгой в истории русско-турецкой войны 1686–1700 гг.». С одной стороны, это утверждение едва ли вызовет возражения, с другой — его содержание носит очевидно дискуссионный характер. В какой мере военные акции России в отношении Крымского ханства и Османской Порты рассматриваемого периода могут быть объединены некой общей рамкой и расценены как война в целом, с точки зрения её целей и стратегии? Имела ли эта война общее социально-политическое основание? Каким образом она повлияла на положение России на международной арене, в частности, на статус Московского царства во взаимоотношениях с государствами Священной лиги? Наконец, в какой мере военные события рассматривались российским обществом как русско-турецкая война? Представляется, что именно эти и другие дискуссионные проблемы и имели в виду авторы, определяя свой труд как «комплексное исследование». Разумеется, все эти вопросы в тех или иных аспектах затрагивались и ранее в российской и зарубежной историографии. Авторы постарались отразить это в монографии, охарактеризовав вклад коллег в изучение поставленных проблем, что следует отметить как существенное их достижение.

Вместе с тем, к сожалению, в монографии отсутствуют систематический обзор источниковой базы исследования и её структурный анализ. Заявляя своей задачей «комплексное» изучение такого многосложного явления, как война, авторы не потрудились проанализировать, какие источники и каким образом позволяют решить эту задачу. Об источниковой базе монографии читатель может судить только по отдельным фрагментарным тезисам (с. 20–22) и подстрочным примечаниям. Основой работы стал актовый материал Разрядного приказа, Донские и Малороссийские дела, а также фонды РГАДА по сношениям России с Крымом, Турцией и Польшей. Упомянуты и иные фонды того же архива, обладающие большим исследовательским потенциалом, в частности о положении на Северном Кавказе и на севере Каспия, в регионах традиционного русско-турецкого противостояния и встречной экспансии. Авторы кардинально расширили круг источников путём введения в научный оборот новых архивных материалов. Специалистам известно, какого большого труда, эрудиции и специальной архивоведческой и источниковедческой подготовки требуют работы с документами Разряда. Поэтому можно с удовлетворением констатировать, что именно введение в научный оборот уникальных архивных материалов российских архивов и сделанные на их основе выводы представляют собой наиболее важный вклад, внесённый авторами в отечественную науку. В дополнение к архивным материалам авторы детально и творчески проанализировали корпус опубликованных исторических источников. Это отрадно, поскольку в последние годы некоторые исследователи поверхностно подходят к их анализу, нередко полагаясь на некритическое заимствование этого материала из разного рода литературы, иногда второго или третьего ряда.

Центральное место во введении занимает историографическое обоснование тезиса о внутреннем политическом единстве заявленного периода в истории России, в частности, с внешнеполитической точки зрения. Авторы критически анализируют доводы предшественников и оппонентов. Последние полагают, что походы кн. В.В. Голицына в Крым 1687–1689 гг. и Азовские походы Петра I принадлежат к разным историческим эпохам: допетровской и петровской; сами походы мало согласуются друг с другом. По словам авторов монографии, иной подход, представленный в новейшей историографии, состоит в том, что «помощь полякам и военные операции против Крыма и Азова являются “внешними действиями” по отношению к конфликту (войне Священной лиги против Османской Турции. — *Б.Н.*), и лишь в 1697 г. с подписанием Венского договора К. Нефимоновым Россия стала полноправным членом Священной лиги» (с. 20). Таким образом, по мнению авторов монографии, видение военных акций описываемого периода как войны в целом основывается на правовых актах объявления войны и заключения мира. Однако и это формально юридическое обоснование участия России в антиосманской коалиции и, следовательно, русско-турецкой войны 1686–1700 гг., устанавливается авторами не без сомнения с точки зрения действовавших норм международного права и традиций политической практики.

В историографическом обзоре авторы подчёркнуто игнорируют зарубежную историографию (за исключением упоминания двух переведённых на русский язык работ Л. Хьюз и П. Бушковича). Разумеется, для исследования роли России в военных и внешнеполитических событиях рассматриваемого периода в трудах зарубежных историков, в сравнении с работами отечественных исследователей, найдется не так много важных свидетельств и конкретно-исторического материала. Но поскольку монография исследует внешнеполитические сюжеты (оценка эпохи и места России на международной арене, значение русско-османского театра военных действий, Великое посольство Петра I), наблюдения зарубежных учёных, несомненно, заслуживают внимания. В первую очередь это касается польской историографии, начиная с работ В. Конопчиньского и З. Вуйчика. Думается, не стоит обходить вниманием работы немецких учёных³⁰. Нелишне было бы обратить внимание и на воззрения новейшей турецкой историографии, представители которой в последние годы довольно часто обращаются к вопросам осmano-русских отношений конца XVII и XVIII вв. Разумеется, требовать от авторов в рамках и без того обширного труда обстоятельного анализа зарубежной историографии было бы иезуитством, но указать на важнейшие тенденции зарубежных исследований и интерпретаций, на мой взгляд, стоило бы.

Авторы монографии поставили задачей обоснование тезиса о том, что военно-политические акции русского правительства 1686–1700 гг. были реализованы как русско-турецкая война, в ходе которой Россия присоединилась к возглавляемой Габсбургами Священной лиге. Поставленную задачу усложняло стремление авторов к комплексному исследованию и, соответственно, к комплексному её разрешению. В свете этих целей и следует анализировать содержание монографии.

³⁰ См., например: *Handbuch der Geschichte Rußlands*. Bd. 2. 1613–1856 / Hrsg. C. Zernak. Stuttgart, 1988.

Первая её глава содержит подробное изложение истории отношений России с Крымом и Турцией с 1677–1678 гг. до Бахчисарайского мира и заключения российско-польского договора 1686 г. о Вечном мире. Однако авторы так и оставили читателя в неведении, в чём же состояли причины описываемой войны. В центре изложения оказалась история борьбы за Украину, где России с середины XVII в. противостояли Польша, Османская империя и Крымское ханство. Но авторы не определили связи, обусловившие переход Московского царства от обороны южных границ к стратегии «покорения Крыма».

Ни слова не сказано о социально-экономических и внутривнутриполитических предпосылках войны, особенно в виду перспектив аграрной колонизации Юга России и сословного характера этого процесса, что особенно важно. Заинтересованность боярства и дворянства в активизации внешней политики на южном направлении выразилась в перспективах крепостнического освоения Черноземья и в прямых поместных пожалованиях. К сожалению, в монографии ничего не говорится о раздачах земли и крестьян за участие в походах, хотя из литературы известно, что походы 1695–1696 гг. правительство отметило щедрыми пожалованиями. Вероятно, авторы основывались на том, что указанные проблемы в достаточной степени освещены в историографии и не требуют дополнительного рассмотрения. Однако обращение к социально-политическим предпосылкам войны было бы нелишним, поскольку в новейшей литературе вопросы о причинах и целях войн нередко трактуются в духе разного рода цивилизационистских концепций и геополитических воззрений, что, хотя и в малой мере, но всё же нашло отражение и на страницах монографии в рассуждениях об «антиисламских мотивах» в декларациях официальных властей и в общественном мнении стран, противостоявших Оттоманской Порте. Выводы авторов о причинах исследуемой русско-турецкой войны ограничились двумя утверждениями: об опосредованном присоединении России к державам Священной лиги и о том, что «крымский фактор» был в этом «важнейшим военным аспектом» (с. 42). К сожалению, авторы уделили недостаточно внимания отнюдь не последнему по значению вопросу об участии Венского двора в привлечении России к содействию антитурецкой коалиции, поскольку противостояние Порте и соперничество из-за разделов её владений почти на два столетия в значительной степени определили отношения между державами Романовых и Габсбургов.

Центральное место в монографии принадлежит главам, посвящённым Крымским походам Голицына 1687 и 1689 гг. и событиям 1695 и 1696 гг. Два выделенных периода кардинально отличались друг от друга как по целям войны, так и по стратегии и тактике военных действий. Это очевидно уже из повествования о дипломатической подготовке первого Крымского похода. Тогда, по замыслу польского короля Яна Собеского, России предлагалось действовать в низовьях Днепра — к Очакову или в Приднестровье для поддержки польских войск, а также в низовьях Дона — к турецкой крепости Азов (с. 44). В ходе войны Оттоманской Порты с державами Лиги днепровско-днепровский и азовский театры военных действий являлись для Турции второстепенными, там не было значительных турецких сил. Указанные направления наступления оказались удобны для русской армии в виду наличия надежных коммуникаций по Днепру и Дону. Преимущество операций в низовьях Днепра и Днестра заключалось и в возможности непосредственного взаимодействия с польскими королевскими войсками. Позже этот план в об-

ших чертах был реализован в ходе Азовских походов Петра I. Однако в 1686 г. замысел отверг Голицын, убеждённый в «необходимости нанесения главного удара именно по Крымскому ханству с целью его военно-политического подчинения». Таким образом, начавшаяся в 1686 г. война оказалась войной с Крымом, а поход в Запорожье Г.И. Косагова — не более чем отвлекающей военной демонстрацией. Цель этой войны в 1687–1689 гг. лишь частично совпадала с целями Священной лиги, а следовательно, Россия скорее действовала независимо от образованной Венским двором и папским престолом антиосманской коалиции, преследуя собственные цели, на столетие определившие стратегию Московского государства и Российской империи.

Чрезвычайно ценный материал представлен в главах, отражающих подготовку русской армии к Крымским походам и Российского государства к войне. Я осознанно употребляю понятие «русская армия», поскольку, помимо дворянского ополчения и служилых людей разных категорий прежних времён, в войсках Голицына в немалом числе участвовали и полки нового строя. К сожалению, введённые в научный оборот и отражённые в историографии источники не позволяют судить, насколько беспрецедентны были мероприятия по мобилизации сил и средств в сравнении с кампаниями предыдущих лет. Возможно, в поисках ответа на этот вопрос в дальнейшем исследователи смогут продвинуться в работе с фондами Разрядного приказа. И всё же в монографии представлен уникальный материал о подготовке к походам 1687 и 1689 гг. Установлено, что численность главной армии составила соответственно около 113 и 117,5 тыс. человек (с. 76, 87 и 194). Если иметь в виду, что помимо главных сил в военных действиях участвовали и другие войска, можно констатировать, что на Крым был направлен удар беспрецедентной силы.

Представлен в монографии и ценный материал о составе войсковых частей и соединений, выступивших в поход под командованием Голицына: большинство армии составляли полки нового строя. Он имеет самостоятельное значение и может послужить основанием для исследования организационной структуры русской армии конца XVII в. — для изучения дворянских корпораций служилого города и служилых людей по прибору. Разумеется, исходя из предмета исследования и задач монографии, авторы не преследовали цели развивать наблюдения в указанном направлении, однако это только повышает ценность внесённого ими вклада. Они подробно исследовали и подготовку к походам: сбор служилых людей, обеспечение вооружением, продовольствием и прочими припасами, мобилизацию подвод и других транспортных средств. Приведённые в монографии наблюдения и выводы имеют большую ценность для изучения действий царского государственного аппарата и анализа их эффективности. Подводя итоги первого этапа войны (1686–1689), авторы констатировали, что «военная машина Московского государства смогла выполнить поставленную перед ней чисто военную задачу», что «причины неудачи первого “крымского” периода войны лежали в большей степени в политической плоскости» (с. 256). Политическая безуспешность Крымских походов, понесённые потери и политические издержки повлекли за собой опалу Голицына, кризис и падение правительства царевны Софьи. Сделанные авторами наблюдения и выводы имеют существенное значение, позволяя скорректировать преобладающую в отечественной историографии точку зрения об упадке и недееспособности Московского государства периода боярского правления 1682–1689 гг.

Вместе с тем едва ли можно согласиться с тезисом об избранной Голицыным якобы «изначально неверной стратегии». Действительно, опыт русско-турецких войн XVIII в., походы Миниха и Ласси в Крым в 1730-х гг. показали, что само по себе занятие полуострова не означало решения крымского вопроса. Только победы на Дунае в 1770-х гг. предопределили присоединение Крымского ханства к России. С этой исторической перспективы стратегия Голицына на исходе XVII в. выглядит сомнительной. Однако воевода не имел того опыта, на который почти столетием позже могли опереться его преемники. Вклад Голицына и в целом русской военной мысли его времени в стратегию военных действий на южных рубежах России состоял в том, что он первый совершил кардинальный поворот в военной и политической истории России, перейдя в наступление против Крыма и опосредованно против Турции. Вклад состоял и в том, что с основанием Новобогородицка получила развитие стратегия продвижения к границам Крымского ханства укрепленных линий, сохранявших военное значение до 1770-х гг. Думается, что всё это позволяет по-иному оценить ошибки и колебания Голицына, не вдаваясь в обсуждение вопросов стратегии, в чём авторы выглядят не всегда убедительно.

В решающей степени опыт Крымских походов повлиял на формирование планов военных действий в период Азовских походов Петра I. Однако им предшествовало пятилетие, названное авторами «вторым — “оборонительным” — периодом войны» (с. 295). Ему посвящена специальная глава, представляющая собой погодную хронику разного рода военных действий казачества и калмыков на южных рубежах России, «не слишком удачных» для русского оружия, а также «поискам возможностей выйти из борьбы с наименьшими потерями». Возникает ощущение, что в композиции монографии эта глава выполняет единственную функцию — обосновать тезис о преемственности в ходе описываемой русско-турецкой войны. Вместе с тем материал главы представляет интерес для описания положения на окраинах Московского государства первой половины 1690-х гг.

В 1695 г. открылся новый этап военных действий, главными направлениями которых стали наступление Б.П. Шереметева на турецкие крепости в низовьях Днепра и первый поход Петра I к Азову. Подробно и в мельчайших деталях, широко используя впервые вводимый в научный оборот архивный материал, авторы исследуют Азовские походы Петра I. Им не только удалось воссоздать уникальную картину описываемых событий, но и подвергнуть критике ряд сложившихся в историографии представлений. Вместе с тем главный вывод авторов, что с падением Азова и угрозой захвата Очакова «стратегическая ситуация в исследуемом регионе радикально изменилась» (с. 402), вызывает сомнение. Приведённые в монографии свидетельства пленных и выходцев из турецких владений интересны сами по себе, однако их анализ в контексте описываемых событий затруднён из-за их условной достоверности и несопоставимости имеющихся данных с реальными возможностями и военным потенциалом Оттоманской Порты. Данный материал скорее говорит не столько об изменении «стратегической ситуации», сколько о том, что Пётр I мог с полным правом гордиться завоёванными победами, а Россия продемонстрировала возросшее могущество и претензии на равноправное участие в антитурецкой коалиции европейских держав. Указанные обстоятельства и послужили основанием для заключения Венского соглашения 1697 г. Его оценке и последствиям в монографии уделено особое место, поскольку одним из основополагающих

тезисов авторов является утверждение об участии России, хотя и опосредованном, в антитурецкой Священной лиге.

Следует остановиться и на описании авторами второстепенных театров военных действий от украинско-крымского пограничья до берегов Каспия. Им уделено в монографии заслуженное внимание, в применённом уже ранее стиле хроники представлен богатый и красочный исторический материал, что является большим достоинством этого труда. Но концепцию авторов по данному вопросу едва ли можно считать достаточно обоснованной и тем более убедительной. Она сводится к утверждению, что любая война сопровождается неким военно-политическим контекстом, который «вносит важный вклад в формирование генеральных итогов противостояния» (с. 403). Однако повторение этой аксиомы не избавляет от ответа на главный вопрос: в какой мере постоянно тлеющие на протяжении столетий военные действия в упомянутой пограничной зоне являлись составной частью войны, инспирированы ли они в соответствии с неким генеральным планом сторон или же стали следствием местной инициативы казацких, племенных и прочих предводителей, действия которых в той или иной мере были обусловлены московским или крымским и турецким влиянием. Ведь сами авторы признают, что окончание войны не означало прекращения конфликтов на Северном Кавказе (с. 432) (добавлю — и во всей упомянутой пограничной зоне). Оставленные без ответа подобного рода вопросы, очевидно, связаны с центральной авторской концепцией войны 1686—1700 гг. и её внутренней периодизацией, что, кажется, может вызвать недоумение читателя.

Заключительные главы монографии посвящены не столько военным действиям, сколько сопутствовавшим им политическим и дипломатическим проблемам. Авторы рассуждают об отражении целей и характера войны в общественном сознании. Сама по себе такая задача может только приветствоваться, однако её решение в монографии едва ли выдержит самую благожелательную критику. Во-первых, авторы злоупотребили бессодержательной политологической терминологией. Они даже для себя не потрудились определить понятие «идеология», применяя его явно не к месту. То же касается понятия «элита». Например, на с. 461 констатируется: «Для изученной нами войны в плане её идеологического сопровождения имелось несколько уровней циркуляции информации. Верхний уровень составляла политическая элита, принимавшая стратегические решения. Второй уровень включал служилых людей, которым приходилось воевать на полях сражений. Третий — остальные сословия». Это утверждение отражает полную путаницу в вопросе о сословной структуре русского общества XVII столетия. Из него следует, что элита — это, вероятно, думные чины, а если говорить о боярстве, то почему оно не названо? Почему тогда в третьей категории представлены сословия, во второй — служилые люди, а в первой некая элита? Вряд ли авторам удастся ответить на этот вопрос сколь-нибудь убедительно. Нередко встречаются и другие примеры подобного рода модернизационных казусов, как то «думские дебаты» (с. 436) или названный «царским манифестом» указ 12 января 1687 г. (с. 437). Модернизаторский оттенок имеют и неоднократные упоминания авторов о неких «антиисламских» мотивах в дипломатической практике и в пропаганде властей России и других держав Священной лиги. В этом, несомненно, присутствовали характерные для эпохи элементы конфессионализации, т.е. разрешения в религиозной форме политических проблем. Однако несомненно, что упомянутые «антиисламские

мотивы» конца XVII в. не имеют ничего общего с религиозной нетерпимостью нашего времени, тем более с каким-либо умозрительным противоборством цивилизаций, выразившемся в религиозной войне. Уже в XVII столетии Османская империя была включена в европейскую систему международных отношений в качестве одной из держав организованного Францией так называемого восточного барьера в противостоянии Бурбонов и Габсбургов, а антиисламская фразеология того времени являлась лишь данью политико-дипломатической традиции. Не хотелось бы, чтобы высказанные сомнения рассматривались сугубо как придирки. Мода на терминологическую модернизацию, заимствованная из политологии и публицистики, оказывает негативное влияние на новейшие исследования, демонстрируя их методологическую эклектичность.

Заключительная глава монографии посвящена истории русской внешней политики, дипломатии и международных отношений от Великого посольства до Константинопольского мирного договора. Они многократно и подробнейшим образом описаны как в русской, так и в зарубежной историографии. Авторы широко опираются на труды российских исследователей (из их поля зрения выпала, пожалуй, только монография В.Д. Корольюка). Читатель невольно задаётся вопросом: чем обусловлено появление такого обстоятельного и относительно независимого от основного содержания монографии очерка? Думается, основания для этого были.

Во-первых, напомним, монография открывается вводной главой, посвящённой русской внешней политике времени Бахчисарайского мира 1681 г.: отсюда логичным представляется завершение труда очерком о формальных итогах русско-турецкого противостояния, оформленных договором 1700 г. Упомянутые главы как бы обрамляют целый период не только в истории русской внешней политики, но и в истории международных отношений в Европе — от осады османами Вены до войны за испанское наследство. Во-вторых, один из центральных тезисов монографии — утверждение, что Россия, хотя и опосредованно, принадлежала к антитурецкой Лиге. Это требовало дополнительного обоснования путём анализа участия русской дипломатии в итоговом политическом урегулировании на юго-востоке Европы. Здесь, кажется, допустимы сомнения. Детальная дискуссия по этому вопросу потребовала бы специального исследования, поэтому ограничусь несколькими замечаниями. Задачей Великого посольства было выяснение реального положения Московского царства в системе европейских держав и пределов его политических возможностей. Следовательно, в Москве, где слабо ориентировались в делах Европы, всё же не переоценивали собственные политические перспективы. Неудачу в решении поставленной перед послами задачи продемонстрировал Карловицкий конгресс. Даже образованная усилиями России в 1699—1700 гг. антишведская коалиция приобрела существенный вес в европейской политике только после Полтавской победы 1709 г.

Характеризуя монографию в целом, можно с удовлетворением отметить, что её авторы успешно справились с нелёгкой задачей представить комплексную картину важного этапа в истории России с военно-политической точки зрения и в контексте изучения места Московского государства в системе международных отношений. В этой связи хочу особо отметить помещённые в книге на вклейке карты и планы. Они не заимствованы из других изданий, а впервые вводятся в научный оборот. Помещённые здесь как в изображениях, так и в легендах сведения дают читателю уникальный материал, в котором в кон-

центрированном виде воплощены свидетельства большого количества исторических источников. Карты и планы выступают не как иллюстрация к тексту, а как существенная составляющая монографического исследования.

В заключении авторы уделили немало внимания военно-историческим и историко-дипломатическим проблемам, продемонстрировав высокий профессиональный уровень проведённого исследования. Однако формулируя центральный вывод, они явно «поскромничали», отметив только, что в итоге войны 1686–1700 гг. Россия «покончила с пережитками даннических отношений с татарами... усилила своё влияние на соседние народы, получила выход к Азовскому морю», добилась пограничного размежевания с Османской Портой, что привело «к снижению значения и статуса буферных полугосударственных и государственных образований, таких как Запорожская Сечь, Войско Донское, Крымское ханство» (с. 508). Не вдаваясь в детали многолетней дискуссии о формировании «государств современного типа», а также в рассмотрение концепций советской историографии о природе, процессах и критериях государственной централизации периода феодализма, отмечу, что данные авторами определения в отношении казачьих объединений и Крымского ханства им абсолютно не соответствуют. В этом случае мы встречаемся ещё с одним примером влияния политологической моды.

Думается, что исследование А.Г. Гуськова, К.А. Кочегарова и С.М. Шамина гораздо более значительное и глубокое по содержанию, нежели об этом заявили сами авторы. Оно посвящено важному периоду в истории России, когда начался переход от Московского царства к Российской империи. Главным итогом войны 1686–1700 гг. стал исторический поворот от противостояния крымско-турецкому натиску к завоеванию выхода к Черному морю. Монография хотя и посвящена главным образом военно-политическим проблемам, имеет всё же более широкое значение. Во-первых, потому, что военная функция государства Нового времени играет центральную роль и в решающей степени влияет на все стороны государственной деятельности и общественной жизни. Во-вторых, содержащийся в монографии богатейший исторический материал служит благодатной почвой для наблюдений и выводов не только сугубо по военной, но и по политической истории, истории государственного хозяйства, сословий, окраин Российского государства и живших там народов. Книга может стать источником полезных сведений в самых разных областях исторических знаний, вплоть до исторической географии. Она даёт немало поводов для постановки спорных вопросов, для обсуждения дискуссионных проблем. Это ещё раз доказывает, что авторы обратились к исследованию важной темы, а внесённый ими вклад послужит развитию отечественной исторической науки.

Глеб Казаков. Не Азовом единым

Gleb Kazakov (Justus Liebig University Giessen, Germany). Not just about Azov

DOI: 10.31857/S2949124X24020047, EDN: HJTFYS

Рассматриваемая книга представляет собой довольно редкий в исторической науке формат публикации — коллективную монографию. Её авторы — известные исследователи истории России второй половины XVII в., специали-